

НЕОПАТРИСТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ УПРАВЛЯЕМОГО ПСЕВДОМОРФОЗА

Балагуров О.А., Океанский В.П.

ФГБОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет», Шуя, Россия (155908, Ивановская область, г. Шуя, ул. Кооперативная, д. 24), e-mail: ruzante@yandex.ru

Статья посвящена изучению феномена «конфликта цивилизаций», рассматриваемого через призму столкновения секулярного гуманизма, являющегося идеологическим стержнем глобализационных процессов, и Традиции. Для наиболее адекватного отражения процесса внедрения культурных кодов секулярности на российскую почву видится возможным введение термина «управляемый псевдоморфоз», который уточняет понятия псевдоморфоза О. Шпенглера и археомодерна А. Дугина. Управляемый псевдоморфоз имманентно антагонистичен «магичности» России и в перспективе чреват тотальным духовно-нравственным релятивизмом, ведущем к потере культурной идентичности. Преодоление сложившейся ситуации видится в укреплении Традиции посредством трансляции обществу смыслов и культурных кодов святоотеческого наследия, пропущенных через призму неопатристического синтеза, в его понимании Г.В. Флоровским. Данный синтез предполагает диалог культурологии и богословия, с одной стороны, и придает экзистенциальную заданность богословию, с другой. Последнее делает его актуальным инструментом ответа на вызовы «фаустовской» цивилизации.

Ключевые слова: конфликт цивилизаций, секулярный гуманизм, глобализация, традиция, святоотеческое наследие.

NEO-PATRISTIC SYNTHESIS AS RESPONSE TO THE CHALLENGES OF THE MANAGED PSEUDOMORPHS

Balagurov O.A., Okeanskiy V.P.

Federal State Educational Budget Institution of Higher Vocational Education "Shuya State Pedagogical University", Shuya, Russia (155908, Ivanovo region, Shuya, Kooperativnaya str., 24), e-mail: ruzante@yandex.ru

The phenomenon of "clash of civilizations" is studied as the collision of secular humanism, which is the ideological core of the globalization process, with Tradition. For the most adequate reflection of the implementation process of cultural codes secularity on Russian soil is used the term "managed pseudomorphs," which clarifies O. Spengler's pseudomorph and A. Dugin's archeomodern. Managed pseudomorphs is inherently antagonistic to "magical" Russia. The result of it is the total spiritual and moral relativism and the loss of cultural identity. Tradition may solve these problems. We need translation of cultural codes of patristic heritage to the modern society. These codes must be passed through the prism of neo-patristic synthesis, as it was understood by G.V. Florovsky. This synthesis involves a dialogue between Culturology and Theology. The synthesis gives existential character of theology too. The existential theology is the effective way of overcoming of Faustian civilization's challengers.

Key words: clash of civilizations, secular humanism, globalization, tradition, patristic heritage.

Характерной чертой российской действительности становится возросшая частотность конфликтов, в которые оказывается вовлеченной Православная Церковь. Важно, что эти конфликты в известной мере поляризуют общественное мнение: сограждане в той или иной мере проявляют себя сторонниками или противниками участников конфликта, то есть лицами, заинтересованными в определенном сценарии его разрешения.

Именно широкое и живое участие самой широкой аудитории не позволяет сузить сущность рассматриваемых конфликтов только до институционального противостояния церковного и секулярного. Речь идет об определенной форме проявления «конфликта цивилизаций», источники которого, по мысли С. Хантингтона, определяются культурой.

Современный секулярный гуманизм, являющийся идеологическим стержнем глобализационных процессов, есть порождение западной (фаустовской) культуры, той романо-германской цивилизации, которая бесконечно чужда православно-славянскому миру. В этом пафос Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, С. Хантингтона.

Гуманизм, базирующийся, главным образом, на идеях Просвещения изначально антирелигиозен, ориентирован не просто на полемику с Церковью, но на ее полное уничтожение (знаменитое «Раздавите гадину» Вольтера).

И несмотря на то что изначально секулярный гуманизм имел узкую антикатолическую направленность, очень скоро он стал по своей сути антихристианским, антитрадиционалистским. Гуманистический манифест – 2000, конечно, не призывает удавить последнего короля кишками последнего попа (как Д. Дидро), но склонен относить приверженность традиционным религиозным воззрениям к опасным тенденциям развития современного мира [2].

Почему так? Дело в том, что секулярный гуманизм стремится принять планетарный характер, позиционирует себя как универсальный и безальтернативный процесс, являющийся безусловным благом и судьбой для всего человечества.

Еще Н.Я. Данилевский отмечал, что насильственность является характерной чертой европейской культуры. В этом, видимо, кроется основная причина антиклерикальности фаустовского Запада: Церковь является хранительницей Истины, транслируя ее в поколениях, она создает традицию, которая имманентно антагонистична релятивизму секуляризма.

Стремление к призраку всеобщего благоденствия на земле, который требует отказа от уникальности, разбивается о традиционные нормы, защищающие культурную идентичность.

В свое время О. Шпенглер дал новую смысловую нагрузку геологическому термину «псевдоморфоз». Немецкий мыслитель вкладывал в это понятие нарушение естественного развития общества вторжением чужеродных элементов, замедляющих или искажающих этот процесс. «С основанием Петербурга (1703) следует псевдоморфоз, втиснувший первобытную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия» [6].

С.А. Королев, полемизируя с О. Шпенглером, пишет об органической псевдоморфозе, отмечает, что вся история России есть перманентный конфликт ригидного культурного ядра и подвижной, чувствительной оболочки, являющий огромное количество примеров взаимной адаптации. Наконец, он вводит понятие органической псевдоморфозы и указывает на то, что призвание варягов и Крещение Руси есть первая глобальная псевдоморфоза Русской истории [3].

В этой связи видится уместным наряду с органическим псевдоморфозом задуматься и о псевдоморфозе управляемом. Действительно, согласно пафосу О. Шпенглера советская эпоха есть продолжение гигантского псевдоморфоза. Но окончился ли он с крахом системы?

«Магическая» нация О. Шпенглера, в отличие от фаустовской – глубоко религиозна. Применительно к России – религиозна и церковна. Запад, взявший от христианства лишь внешние формы, в этом смысле прямой антипод.

На протяжении веков псевдоморфоза Церковь испытывала давление со стороны государства – проводника внедряемых чужеродных культурных форм и части интеллектуальной и социальной элиты – как главных адептов нововведений.

И вот наступает момент, когда давление ослабевает. Церковь становится самостоятельным субъектом, способным транслировать традиционные культурные ценности на предельно широкую аудиторию. Возникает возможность актуализации метафизики для нации, без которой она, лишившись внутренней солидарности, просто исчезнет.

Возрождение магического в условиях стремления к гегемонии фаустовского – безусловный вызов последнему. Церковь как носительница Традиции есть угроза успешности глобального секулярного гуманизма. Не случайно С. Хантингтон писал, что «западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немислимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдалёнными и враждебными» [5].

Итак, традиция как культурный заслон глобализационному процессу. Церковь как носитель этой традиции и ее институализированный защитник. Безусловно, секуляризм не может не пытаться преодолеть возникшей препоны. В ряде случаев это возможно осуществить насильственным путем, но не в случае с Россией.

Отсюда возникает потребность в управляемом псевдоморфизме, в ходе которого чуждая структура не просто воспринимается некой элитой и затем транслируется с той или иной степенью нажима «вниз».

При управляемом псевдоморфозе осуществляется попытка прямого влияния извне на общество, прежде всего посредством СМИ и различных информационно-коммуникационных систем. Кроме того, в условиях околodemократических политических режимов индоктринированная масса так или иначе оказывает влияние на элиту, которая, в свою очередь, также испытывает влияние фаустовских начал.

Возникает конфликт культур, который проходит через каждого человека, как правило, умом пленяемого навязываемыми извне «мировыми стандартами», а сердцем привязанного к традиционным ценностям.

Давление европейского универсализма достаточно продолжительно и в известной мере гипнотично. Эффективность западной парадигмы – модерн как судьба – казалось бы объективно подтверждается экономической и технической силой Запада. Еще М. Хайдеггер заметил: техника, стоящая в центре модернизации, воплощает в себе силовую линию европейской истории.

Тем не менее сила и эффективность далеко не во всех культурах являются высшими ценностями. Существуют иные ценности и Истина, которые не превращают в культ материальное могущество и техническое развитие.

Подобная ценностная культура приходит в противоречие с логикой модерна и возникает конфликт, который усугубляется по мере попыток примирить непримиримое, что можно наблюдать в современной России.

В результате получается явление археомодерна, основанного на лжи и двусмысленности, явления, которое, пожалуй, наиболее точно отражает состояние современной российской действительности.

Данный термин введен А.Г. Дугиным, как уточняющий синоним псевдоморфоза О. Шпенглера. В обществе археомодерна А и не-А сосуществуют. В нем критерии размыты и перепутаны. В известной степени археомодерн нигилистичен.

Нигилизм предполагает духовно-нравственный релятивизм, который либеральной идеологией не только не осуждается, но приветствуется.

Известный американский футуролог японского происхождения Ф. Фукуяма прямо указывает на необходимость внедрения релятивизма через систему образования. Видится возможным привести цитату.

«Современное образование (...) освобождает людей от приверженности традиции и авторитету... Иными словами, современное образование стимулирует определенные тенденции к релятивизму, то есть учению, в котором все горизонты и системы ценностей относительно, связаны со своим местом и временем, и никакие слова не суть истина, но отражают предубеждения или интересы тех, кто их произносит.

Учение, которое утверждает, что нет привилегированных точек зрения, очень точно подходит к желанию демократического человека верить, что его образ жизни не хуже и не лучше других...

Последний человек в конце истории знает, что незачем рисковать жизнью ради какой-то великой цели, поскольку считает историю полной бесполезных битв, где люди

дрались друг с другом, решая, следует ли быть христианином или мусульманином, протестантом или католиком...» [4].

Подобная пропаганда нравственного релятивизма является без преувеличения угрозой национальной безопасности России. Это озвучено на самом высоком государственном уровне.

В условиях всеобщей зыбкости необходимо опереться на некие твердые культурологические основания, необходимые для трансляции следующим поколениям с целью формирования цельной личности, способной противостоять вызовам современности.

Для России подобные основания кроются в православной традиции, которая явилась фундаментом для формирования и российской государственности, и российской идентичности в целом.

В Православии традиция в первую очередь осознается как традиция Церковная, или говоря на родном языке, как Церковное Предание, и это очень важно для осознания антропологического содержания христианской традиции.

Иными словами, для преодоления кризиса духовно-нравственного релятивизма, для противостояния фаустовской агрессии, необходимо опереться на Предание, которое в концентрированном виде выражено в святоотеческом наследии, имеющем значительный потенциал, актуальный и поныне.

В русском богословии XX века святоотеческому наследию уделялось большое внимание. Систематическое изучение творений Святых Отцов, начавшееся в России в 1-й половине XIX века и достигшее своего апогея к началу XX столетия, было после революции 1917 года продолжено богословами русской эмиграции.

В трудах профессоров Свято-Сергиевского института в Париже протоиерея Сергия Булгакова, архимандрита Киприана (Керна), протоиерея Георгия Флоровского, В.Н. Лосского, протопресвитера Иоанна Мейендорфа были намечены пути для дальнейшего изучения Отцов.

При этом именно отец Георгий Флоровский стал главной движущей силой «патристического возрождения» в русском богословии XX века; именно ему принадлежат ключевые идеи по осмыслению святоотеческого наследия, в частности идея «неопатристического синтеза».

«Изучение богословия, – говорил Флоровский, – привело меня уже давно к той идее, которую я сегодня называю "неопатристическим синтезом". Это должно быть не просто собрание высказываний и утверждений Отцов. Это должен быть именно синтез, творческая переоценка прозрений, ниспосланных святым людям древности.

Этот синтез должен быть патристическим, верным духу и созерцанию Отцов (...) Вместе с тем он должен быть и неопатристическим, поскольку адресуется новому веку, с характерными для него проблемами и вопросами» [1].

Пожалуй, насущной проблемой современной культурологии и богословия является организация диалога с целью осуществления возможности подобного неопатристического синтеза, который важен не сам по себе – как теоретический сюжет, а в своем практическом воплощении.

Трансляция обществу традиционных смыслов и культурных кодов святоотеческого наследия, пропущенных через призму подобного синтеза, является, пожалуй, наиболее адекватным ответом на вызовы современности.

Именно через сохранение своей культурной идентичности обеспечивается возможность трезво оценивать претензии либеральной парадигмы на унификационную универсализацию мира по своим лекалам, преодолеть опасность управляемого псевдоморфоза.

Думается, именно Россия способна напомнить западной цивилизации, да и самой себе, о том мировоззренческом выборе, от которого напрямую зависит, быть ей или не быть.

Суть этого выбора невозможно выразить точнее, чем это сделал святой пророк Моисей, обращаясь к народу Израильскому: «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Если будешь слушать заповеди Господа Бога твоего... то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь Бог твой... Если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь... то я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на земле... Во свидетели перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, чтобы жил ты и потомство твое...» (Втор. 30: 15-19).

Список литературы

1. Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / [под ред. Э. Блейн]. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – С. 155.
2. Гуманистический манифест – 2000: призыв к новому планетарному гуманизму // Гуманистическое движение : сайт. – URL: <http://humanizm.ru/humanizm2000> (дата обращения: 15.09.2012).
3. Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. – 2009. – № 6. – С. 72-85.
4. Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек // Фридрих Ницше : сайт. – URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/fukuama/> (дата обращения: 16.09.2012).

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Центр гуманитарных технологий : сайт. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498> (дата обращения: 15.05.2012).

6. Шпенглер О. Закат Западного мира. Очерки мифологии мировой истории. Полное издание в одном томе / пер. с нем. – М. : Альфа-Книга, 2010. – 1085 с.

Рецензенты

Океанская Жанна Леонидовна, доктор культурологии, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ивановского института Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Иваново.

Усманов Сергей Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», г. Иваново.